

19 ЯНВ. 1905

Франко о Горьком

8 января 1905 года А. М. Горький, незадолго перед этим приехавший в Петербург, присутствовал на собрании представителей различных общественных кругов, обсуждавших вопрос о том, как предотвратить столкновение рабочих с полицией и войсками.

Было решено отправить депутацию к председателю комитета министров графу Витте, к министру внутренних дел князю Святополк-Мирскому и товарищу министра внутренних дел Рыдзевскому. В числе членов депутации был и Горький.

Святополк-Мирский отказался принять депутацию. Витте ответил, что не властен предупредить события. Рыдзевский сказал, что правительство осведомлено обо всем и сделанные распоряжения не будут отменены.

На другой день—9 января произошла кровавая расправа паризма с мирными рабочими. Горький был свидетелем этого страшного злодеяния. В тот же день он написал воззвание, призывая рабочий класс к беспощадной борьбе с самодержавием. Не ограничиваясь зверскими расправами, полиция произвела аресты. Обвиненные в принадлежности к революционной организации, были арестованы и члены депутации. По распоряжению министра внутренних дел 11 января в Риге арестовали Горького. 12 января утром он уже был узником 60-й камеры Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Тяжелые условия заключения вскоре сказались на нем: Горького мучили суставной ревматизм и обострившийся туберкулез легких. Запрещение читать и писать угнетало его морально.

Заключение Горького вызвало огромный резонанс по всей Европе. Передовые круги русской и западно-европейской интеллигенции обратились к правительству с прось-

бой освободить Горького. В различных городах Европы устраивались манифестации в защиту писателя.

«За границей,—писал Ленин в статье «Трепов хозяйничает»,—началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство перед царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии».

Главный протест прогрессивной интеллигенции Европы разделил и великий украинский писатель-демократ Иван Франко. В двухнедельном журнале «Новий громадський голос» (1905, № 9) появилась его статья «Максим Горький».

Некоторые факты, приведенные в ней, и суждения о творчестве Горького (идеализация босячества и др.)—ошибочны, но они отнюдь не умаляют главного достоинства статьи—глубокой ненависти к произволу самодержавия и великой любви к борнику правды, к «светочу русского народа»—Алексее Максимовичу Горькому.

Вот статья И. Франко, озаглавленная «Максим Горький».

«Взоры всего просвещенного мира, всех свободолюбивых людей обращены сейчас на российскую столицу. Особенно на одно место в ней, страшное, сооруженное на костях наших мучеников—казаков, из давних времен покрытое проклятиями, омытое слезами, наполненное стенами и вздохами несчастных жертв царского и жандармского самовластья.

В самом центре Петербурга, недалеко от Зимнего царского дворца, на небольшом острове, стоит страшная каменная крепость с двумя высокими башнями, острыми, как штыки винтовок. Вперед этой крепости стоит церковь св. Петра и Павла, но внутри ее помещается

земной ад, страшная тюрьма, сверху донизу заполненная политическими заключенными.

Все, кто чем-либо провинился перед правительством, кто посмел мыслить свободно, работать явно или тайно для освобождения российских народов из-под тягостного ярма, все те смельчаки издавна навешали каменные стены и казематы этой крепости. Много их вошло в нее, чтобы больше никогда не выйти. Многие вошли туда молодыми, здоровыми юношами, а вышли седыми стариками, сломленные страшными мучениями или тяжелой долговечной неволей. Здесь в 1847 году оказались в роли исконителей и апостолы лучшей доли Украины: Шевченко, Костомаров, Кулиш и другие товарищи Кирилло-Мефодиевского братства. Не миновали этой Петропавловской крепости также лучшие сыны великого русского народа, такие, как Бакунин, Чернышевский, Достоевский, Михайлов и много других борцов, пролагавших путь настоящему массовому движению.

И теперь взоры всего цивилизованного мира устремлены к этому проклятому месту, ибо в его гранитных стенах снова терзается брошенный туда один из светочей русского народа, гордость русской литературы—Максим Горький.

Кто такой Максим Горький?

Настоящая фамилия его Алексей Пешков. Еще несколько лет тому назад он был простым рабочим, а еще раньше тем оборванцем и отшельником, который пешком исходил огромное пространство от Одессы до Нижнего-Новгорода, терпел голод, холод и всякую нужду, один раз даже пытался покончить с собой, не видя никакой надежды на лучшую жизнь.

Но в том несчастном опустившемся отшельнике горела искра огромного таланта, его душа рвалась к чему-то высокому, неведомому. Где только мог, он добывал книги, газеты, читал, учился, при этом ему помогала огромная память.

Но важнейшей для него была та

тяжелая школа, через которую проводила его жизнь. В необятных стенах, по грязным избам и квартирам, где ютилась городская беднота, по трактирам и этапам, по лесам и морским пристаням приглядывался он к природе и людям, знакомился с жизнью и радостями разного народа, а особенно низших его слоев, тех подонков общества, которые не имеют ничего собственного и даже на мужика смотрят свысока, почти не отличая его от богатей, награждая ненавистью паравне с другими, а то и больше других, потому что больше с ним сталкиваются.

Но вот молодому Пешкову улыбнулась судьба. Им заинтересовались передовые люди, посоветовали писать.

Уже первые его рассказы («Челкаш», «Макар Чудра») обратили на себя внимание своим необычайно ярким рисунком и новизной изображаемого предмета. Горький—так он подписывался под своими рассказами и под этой фамилией стал известен всему миру—рисует нам людей из тех самых низших слоев, босяков и голытьбы, без кола и двора, но рисует их не как несчастные жертвы общественного строя, которые плачут, ропщут и тоскуют по тому миру и счастью, что закрыт для них. Нет, Горький рисует мир нужды и падения совершенно иначе, как мир и строй сам для себя, враждебный нашему, но законченный сам в себе, со своими радостями и горестями, со своими порядками, не похожими на наши.

То, что у нас считают преступлением—воровство, распущенность, пьянство, разбой, лень и т. д., там совсем не имеет такого значения, измеряется иной моральной меркой. Люди того мира имеют совсем иные идеалы, и в первых рассказах Горького не раз была слышна большая симпатия к бродяжническим идеалам (вечные скитания, полна и ничем не связанная жизнь голытьбы), нежели к идеалам городской жизни. Но со

временем, когда вслед за слабой Горькому улыбнулась и fortuna, его взгляды прочистились и расширились, и в своих последующих произведениях он выступает как воодушевленный апостол-человеколюбец того настоящего не фарисейского, что обвиняет одинаково сердечно и беднейших, и изуродованных, искалеченных общественным строем. Одновременно у него все громче и громче звучала еще одна струна—горячий призыв к борьбе с современными гнилыми порядками в России, против коих все люди, бедные и богатые, уж очень часто оказываются вне закона, отдаленные на милость и немилость тупой темной силы—самовластья.

Вот это и была главная причина его заключения. Смогут ли предъявить ему особенное обвинение, кроме того, что он в решительную минуту, перед резней 22 января, вместе с другими людьми решился на выступление перед всемогущими властителями России, чтобы предостеречь их не перетягивать струны,—неизвестно. Известно только, что Горький болен туберкулезом, что он уже близок к смерти и только ухаживанием хороших докторов и пребыванием под теплым небом Крыма удалось спасти его жизнь. В Петропавловском каземате его без теплого платья в арестантской одежде посадили в холодную, сырую, ниже земли помещенную камеру, а это скоро может подкосить его здоровье.

Вот почему взоры всего мира обращены к Горькому.

Все чувствуют, что его смерть в каземате подлила бы масло в огонь, который теперь полыхает в России, и лишая Россию одного из ее вольных светочей, быть может была бы той искрой, которая раздувает великий пожар народного бунта.

И. Ф.»

Под давлением мирового общественного мнения царское правительство вынуждено было освободить Горького.

И. ПРОСЯНИК.